УДК 882Т-3.06.

«НЕ МЕЧ МОЙ СПАСЕТ МЕНЯ...» (ДВА ЛИКА ИСТОРИИ: АЛЕКСАНДР II И А. ЖЕЛЯБОВ В РОМАНЕ Ю. ТРИФОНОВА «НЕТЕРПЕНИЕ»)

Муравин А.В., преподаватель

Запорожский государственный университет

В 1973 г. вышел в свет роман Ю. Трифонова «Нетерпение», повествующий о жизни и деятельности А. Желябова - руководителя террористической организации «Народная воля». Три лика России 70-80-х гг. XIX века представляет автор: Россию самодержавную, Россию революционную и Россию народную. Сквозной нитью, связывающей все образы, все события в произведении, проходит мысль о способах установления справедливого общества на земле, основанного на принципах истины, ненасилия, любви. Мнение, будто насилие можно победить, противопоставив ему такое же или более широкое по масштабу насилие, основывается на убеждении, согласно которому оно может служить как злым, так и благим целям. Так думают в романе народовольцы. Это убеждение следует признать одним из самых глубоких заблуждений социальной политики и мысли.

«Чем же была деятельность «Народной воли»?» - вопрошает Ю. Трифонов. Исторической необходимостью или великим нетерпением, попыткой одним взмахом повернуть колесо истории? - Нетерпением, рождающим беспощадность. В нем зрели злые семена будущих малых и больших войн. В нем - попрание нравственности, признание за кем-то права «по совести» проливать чужую кровь, распоряжаться чужими душами; в нем - незрелость умов и сердец. Тут за какую ниточку не потяни - все откликнется «семнадцатым», «двадцатым», «тридцать седьмым», пламенем, сжирающим всякого без разбора. Народоволец А. Михайлов говорит в романе А. Желябову: «Нас с тобой назовут антихристами. А? Сомненья быть не может: назовут. Но лет через 100, 200, 300... Мы ведь антихристами стали от Христа... А «цель оправдывает средства»? Разве иезуиты придумали? Маккиавелли? Неправда, это есть в самом христианском учении, в подкладке, за всей красотой. Да и было бы иначе, была б одна благостыня... Нет уж, мы, антихристы, должны твердо держаться: цель и в самом деле оправдывает средства» [1, 130].

Ю. Трифонов не соглашается со своим героем. Цель не оправдывает средства - цель определяет средства. Такова объективная суть связи цели и средств. Можно сказать, что средства - дорога к цели. А какова дорога, таков и итог пути. Дорога народовольцев была, увы, кровавой, итог пути - тоже. В этом скрыт философский аспект проблемы: утверждение идеала ненасилия предполагает переосмысление фундаментальных принципов - здесь часть не меньше, но равна целому, цель и средства совпадают не абстрактно, но в пределах жизни одного человека. Отдельная личность столь же ценна, как и социум. Поэтому в романе самодержец Александр II представлен писателем не «Александром Освободителем» или «Александром Вешателем», «отцом миллионов русских людей», а прежде всего человеком, обыкновенным человеком, «пожилым усатым господином», отцом своих детей и, что совсем необычно, влюбленным человеком. В этом Трифонов уникален. Много ли можно найти произведений советских писателей 70-х годов, в которых бы так изображались российские самодержцы? Странно, но критики и исследователи романа почти не обращали внимания на этот образ. А ведь Александр Николаевич Романов - это продолжение одного из постоянных трифоновских мотивов: старости и стариков. Старость для него - самое загадочное, таинственное и исполненное смыслом время человеческой жизни, целый мир, который аккумулирует и историю, и природу - т. е. вечность. Стареют все: и простой смертный и царь. Александру II - старику грозит неизвестность, небытие, смерть: «... парижская гадалка, старая цыганка, предсказала, что я переживу семь злодейских аттентатов (покушений - прим. авт. ст.).

- Не говори таких страшных вещей. (Екатерина Долгорукая).

- Отчего же? Будем радоваться! - Он засмеялся, глядя на побледневшую Катю.

- Такой замечательный жизненный простор, еще четыре аттентата в запасе... » [1, 187].

Погружаясь в размышления о прожитой жизни, Романов как бы исповедуется перед самим собой. Он не лжет, ибо это исповедь. Он выглядит неприятно (ведь - Вешатель?!) и жалко. Но главное, о чем хотел сказать Трифонов, - царь - человек, старик, перемоловший огромные годы. Умный, много повидавший,

ироничный, желчный старик: «Разговоры за спиной, презрительные взгляды, вражда, интриганство. И вообще, много гнусных забот ждало в Петербурге.
Он думал о том, что старость напоминает правильную осаду. Как бы отчаянно гарнизон не сопротивлялся, какой бы крепостью духа не обладал, конец один: холодным зимним днем Осман - паша прибудет на Плевневский редут, чтобы отдать свою шпагу... Старость страшна тем, что некому вернуть шпагу. Нет Александра, который мог бы внезапно пожалеть и сказать: «Я возвращаю вам...» Результат этой ужасной войны: он постарел. Никто не замечал, не смел замечать, но он-то знал, как отяжелел, огрузнел, не только могучим телом, но и что пострашнее - душой. Грозный признак: душевная усталость и лень как раз в той области; где когда-то был радостно неутомим» [1, 182]. И здесь уже не поможет ничто, даже «Эликсир долгой жизни» из Швеции, который вычитывает император: «Читать сейчас не было терпения: хотелось скорее поделиться приобретением с Катей!... потом вслух читали... Гого (внебрачный сын - Георгий Александрович) слушал с необыкновенным вниманием. Удивительное дитя! Разве могло ему быть понятно стремление к долголетию, не умирать, не исчезать, как можно долее с этой земли - и зрелые люди не всегда понимают глубину этого вопроса, но мальчик сидел и слушал не прерывая...» [1, 185-186]. Снова загадка трифоновской прозы: в этом маленьком отрывке зашифрованы постоянные «водяные знаки» - мотивы всех его произведений: мотивы «другой жизни», «нетерпения», «исчезновения», «мальчиков».

Еще один немаловажный момент при рассмотрении образа Александра II: его любовь к княгине Екатерине Долгорукой, любовь долгая, тайная, настоящая. Император влюблен! «Неужто эти люди там, в Аничковом дворце, не могут до сих пор уразуметь, что Катя Долгорукая - не увлечение, даже не любовь, а судьба?» - размышляет Александр. Ю. Трифонов описывая эти отношения, поднимается до поэтической высоты. Сцену после взрыва в Зимнем дворце бомбы Степана Халтурина можно поистине назвать самой поэтической в романе: «Спустя две минуты, когда дружная российско-немецкая familie входила в столовую, взорвалась земля, померк свет, пронзил леденящий ужас, и император умер, но через секунду воскрес - в полной тьме, среди грома, криков людей и удушающей пыли.

Император побежал по лестнице наверх, в комнату княгини, (!!!) полагая, что она погибла, но, Катя, живая, бежала ему навстречу, крича: «Саша! Сашенька!», и они обнялись в темноте, как могли бы обняться в раю на другой миг после смерти» [1, 244]. «Зачем, зачем это Трифонову?» - могут спросить многие. И даже возмутиться: «Почему нет такой сцены у Желябова или другого «положительного» героя романа?» Потому что, как говорил М.П. Драгоманов: «Жизнь государя должна быть так же священна, как и жизнь простого смертного» [2, 348].

Приведем еще один отрывок из романа: «...вспомнилось: ... семнадцатилетняя Катенька с ледяными руками, ... каракозовский аттентат, потом Париж, Елисейский дворец, ... и вдруг простое счастье разорвалось криками этих мерзких людей «Vive La Pologne!» и выстрелами поляка Березовского... За что они хотели отнять у него жизнь? Именно тогда, **когда он любил всех людей,** ибо любовь к одной женщине есть любовь ко всем, к человечеству. В трагические минуты она была рядом... спасение только от нее, в ней, с ней...» [1, 187]. Вот ответ. В концепции ненасилия есть три основы: истина, ненасилие, любовь. Книга Трифонова и построена на этих «трех китах». И как это ни странно, но именно устами Александра II (Романова) - императора и самодержца - автор высказывает одну из первооснов этой концепции. В конце романа эти же мысли будут повторены «апостолом философии ненасилия» великим писателем русской земли Л. Толстым: «Что такое революционеры? Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше... **Есть только один идеал, который можно противопоставить** им: тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, тот который, включает их идеал - **идеал любви**, прощения и воздаяния добра за зло» [1, 389].

Смерть настигнет Александра Романова 1 марта 1881 года во время седьмого аттентата, как и было нагадано. Смерть царя не принесет России ничего, кроме новых бедствий. Н. Бердяев скажет об этом так: «Убийство Александра II по постановлению партии «Народная воля» было концом и срывом российских революционных движений до возникновения марксизма. Это была трагедия единоборства русской власти и русской интеллигенции» [3, 61]. Приятие конституции, на что Александр уже решился под напором обстоятельств, отложилось надолго. Чудовищная гримаса истории: откат назад часто совершается руками революционеров.

Ярким и запоминающимся предстает на страницах романа и образ главного героя - Андрея Желябова. Чем глубже и горше были его противоречия, с тем большей откровенностью показывал трагедию личности героя писатель. В письме к историку Троицкому Ю. Трифонов писал: «Колебался? Впадал в минутное уныние? Был готов на отчаянный шаг? Прекрасно! Это значит - живой человек, а не механизм, не робот...
Зачем же делать из Желябова железобетонный монумент по китайскому образцу? Слава богу, такие фигуры создавались в другие времена, нынче можно вглядеться в человека попристальнее... Что ж эти

люди - из стали? На них не действовали неудачи, не действовало равнодушие общества, безответственность народа?» [4, 173].

Став главой Исполнительного комитета, членом распорядительной комиссии «Народной воли», из студенческого лидера и оратора Желябов вырастает в страстного теоретика и обоснователя террора. Здесь было начало его трагедии. Желябов и его соратники по борьбе начали с того, что хотели учиться у народа, а пришли к тому, чтобы учить и направлять историю. Они взяли на себя право от имени народа, связь с которым была так слаба, а в дальнейшем и совсем утеряна, провозгласить себя прокурорами и исполнителями его воли. «История движется ужасно медленно, надо ее подталкивать... Подталкивайте историю! Подгоняйте, подгоняйте ее, старую клячу!» - приказывал Желябов товарищам [1, 233]. «Наша задача - открыть ящик Пандоры, выпустить на волю ураганы и бури, которые сметут все, нам ненавистное», - вторили ему соратники по партии [1, 337]. Волна терактов прокатилась по империи. Ответ правительства не заставил ждать. Нетерпение требовало жертв.

Подгоняя «клячу истории», Желябов не удержался в стременах и попал под «карету истории», о которой сам когда-то предупреждал. Идея подчинила волю народовольцев, превратив их в «железных» революционеров с неприсущим дон-кихотам чувством самоценности. Не самоценности человека вообще, а самоценности своей, личной. Делать дело, думать - потом! В этом безмерном ослеплении они не останавливались ни перед чем, и даже жизнь человека перестала являться для них препятствием.

По-разному на протяжении двадцати с лишним лет после публикации романа литературоведы оценивали образ А.И. Желябова, в основном - в «героическом» свете. Да, трифоновский Желябов - характер, несущий в себе ряд отчетливых типологических черт привычного для нас положительного героя. Но если бы писатель ограничился только этими его чертами, то «Нетерпение» представляло бы собой легенду о бесстрашном революционере. Но для сурового реалиста Ю. Трифонова такой жанр был бы изменой своим творческим принципам, изменой художественному исследованию. Критик А. Лебедев писал: «Правда о Желябове драматична в высшей степени. Фигура этого героя весьма противоречива, и сам герой вызывает далеко не однозначное чувство. И может быть, наиболее трудное в оценке героя заключается в том, что его героизм действительно ложен. Судьба этого героя - урок, но не пример...» [5, 239]. Трудно не согласиться, но взгляд Трифонова на своего героя все-таки объемнее, шире взглядов рецензентов, хотя и сам писатель допускает смещения исторических реалий, представляет героя романа чуть более «фанатичным» террористом, чем, видимо, был в действительности его жизненный прототип.

Замысел автора - показать внутреннюю противоречивость Желябова при всей абсолютной честности его натуры. Автор дает не только «голос героя», но и характеризует его «голосами» со стороны: «агитатор, говорун, крикун, но не более того»- «народник, мечтатель» - «провинциальный бунтовщик» - «атаман, вождь террора, тореадор» - «законченный террорист»- «генерал»- «папаша, который ... могуч и почти всесилен». Как царь? Нет, это не только «мученик и герой». Уже из объективного авторского повествования добавляется еще одна черта - сам того не осознавая до конца, Желябов проецирует ту же иерархическую модель общества, против которой борется в своей организации. Трифонов говорит о честолюбии героя, показывает такие черты как некоторая рисовка, позерство, театральность. Товарищи замечали в нем и «силу страшноватую» - отдать в жертву гораздо больше себя, какое-то обоготворение личной воли, нравственное право на поправку в законе божием «не убий!». Но было и другое: отказаться от покушения на царя, «уйти на Волгу, стать новым Пугачевым, поднять народную смуту - и это было, может быть, подсознательное желание уйти от террора», - писал Ю. Трифонов [4, 172]. В письме к Н. Троицкому Трифонов говорил об особенности интерпретации образа главного героя: «Может быть, и этого не следовало писать, дабы не подпортить образ железобетонного революционера?...Путь Желябова был предопределен железной логикой многих и многих обстоятельств, и приход его к террору и к 1 марта был неотклоним и неизбежен, но по этому пути шел живой человек, что я и стремился передать ... и выискивал эти следы живого в скудном материале» [4, 173-174]. Да, Желябов был живым человеком со всеми свойственными ему слабостями.

Не случайно, в романе развивается еще одна линия любви - любви А. Желябова и Софьи Перовской. У революционера не должно быть семьи - Андрей бросает жену и сына. Но и у любви его к Софье нет счастливого конца. Их любовь обречена. Они оба понимают, что счастливы будут недолго. Как мастерски пишет об этом Трифонов в романе: «и в этой комнате была любовь, не имевшая ни прошлого, ни будущего, ни надежд, ни рассвета. Очищенная от всего, она упала, как снег, и ее судьба была судьбой снега: исчезнуть» [1, 235]. Как странно переплетаются судьбы: императора и революционера - власть, политика, любовь...

Смерть к Желябову и Перовской придет 3 апреля 1881 года. В последний раз в то весеннее утро встретятся их взгляды, навсегда соединятся их души. Перед казнью Желябов один из приговоренных поцеловал крест, что долго смущало коммунистических биографов. Страшная трагедия русской жизни : человек добрый, любящий женщину, любящий свой народ, все человечество, должен был жизнь свою отдать на организацию убийства. В последнем слове на суде тридцатилетний Желябов сказал: «Целью моей жизни было служить общему долгу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только

затем был вынужден перейти к насилию. Я сказал бы так: от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия» [1, 404].

История не терпит сослагательного наклонения. Ответ злом на зло никогда не приводил к добру, но лишь всегда порождал новое зло - нередко еще более страшное. Может ли благородная цель быть достигнута насильственными средствами? Можно ли воодушевиться убийством человека, пусть даже социального врага? Об этом вопрошает автор романа. А отвечает сама История. Г. Плеханов пророчил народовольцам: «На этом пути вы не добьетесь ничего, кроме того, что к имени «Александр» прибавится третья палочка» [1;148]. Он оказался прав: «Громадная российская льдина не раскололась, не треснула и даже не дрогнула... лишь несколько недель страха: вот все неприятное, что испытала петербургская власть» [1, 396].

В Петербурге на месте убийства Александра II стоит Храм Спаса на Крови. Сатанинская логика истории: ближайшие к месту гибели царя улицы были названы именами его судей: С. Перовской, А. Желябова, С.Халтурина.

В ответ на критику персонажей романа Ю. Трифонов замечал: «Вы пишите, что автор мог быть «менее сдержанным» по отношению к главному герою. И приводите цитаты из «Истории КПСС», Ленина, Маркса ... А это уж позвольте мне, автору, знать, каким тоном писать о своих героях: я не обязан подделываться под тон цитат из «Истории КПСС» или других авторов. Я написал этих людей так, как я их вижу и понимаю, и спорьте со мной по существу, а не с помощью цитат» [4, 175]. Перефразируя старинную формулу Плутарха о том, что мы пишем не историю, а жизнеописания, следует говорить сегодня иначе: «Не сведения мы записываем, а жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. Трифонов Ю. Собрание сочинений: В 4 т. - М. : Художественная литература, 1985-1987. – Т. 3.
2. Драгоманов М.П. Літературно - публіцистичні праці: У 2 т. - К.: Наукова думка, 1970. – Т. 1. - 531с.
3. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное издание YMCA - PRESS, 1995.- М.: Наука, 1990.- 224с.
4. Трифонов Ю. Сопряжение истории с современностью // Вопросы литературы.- 1987.- №7 - С.170-184.
5. Лебедев А. Нетерпимость / Лебедев А. Выбор: Статьи. - М.: Сов. писатель, 1980.-364с.